ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Серия 8. ИСТОРИЯ. 2026. Т. 67. № 1. С. 99–122
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL. 2026. Vol. 67. N 1. P. 99–122

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-99-122

В.П. Богданов

МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НЕИЗВЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

V.P. Bogdanov

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: LITTLE-KNOWN ASPECTS OF ITS OPERATIONS

Аннотация. Несмотря на длительную традицию изучения того, как работал Московский государственный университет в годы Великой Отечественной войны, тема эта до сих пор имеет существенные лакуны. Связано это в значительной степени с тем, что чаще всего упор делается на ратном подвиге сотрудников и студентов МГУ. Функционирование университета как организации редко становится предметом самостоятельного изучения. Чрезвычайная военная ситуация породила новые типы отношений как внутри МГУ, так и в рамках системы Наркомпроса (например, ликвидировались и объединялись вузы), между университетом и государственными органами (мобилизация студентов в ополчение, РККА, трудовой фронт и т.д.). Всё это привело к появлению новых должностей (в частности, «уполномоченных» ректора и факультетов) и структур в составе МГУ, определило возникновение ряда специфических документов. При подготовке статьи использованы материалы двух хранилищ (Архив МГУ и Центральный Государственный Архив г. Москвы), отразившие работу МГУ, Московского института философии, литературы, истории (МИФЛИ) в 1941–1945 гг., а также комплекты газет «Московский университет». Обращение к этим источникам по-новому показывает работу как отдельных сотрудников, так и целых подразделений МГУ в годы Великой Отечественной войны. В частности, архивные документы полностью опровергают устоявшееся в мемуарной литературе представление о некой растерянности в руководстве МГУ

Богданов Владимир Павлович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bogdanov Vladimir Pavlovich, Doctor in History, Senior Researcher, Laboratory of Cultural History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

vpbogdanov@gmail.com

OCRID: 0000-0002-3129-406X

и слабой координации действий. Как свидетельствует записка исполняющего обязанности ректора Б.П. Орлова (начало 1942 г.), в университете был четко налажен учет местонахождения всех сотрудников и студентов. Эвакуация и реэвакуация также были организованы достаточно четко. Потеря части документов военного времени связана не с халатностью, а с пожаром, случившимся в здании, которое МГУ занимал в Свердловске. Кроме того, в статье также подведены промежуточные итоги межфакультетского проекта «МГУ в годы Великой Отечественной войны. Новые находки», инициированного ректоратом МГУ в 2025 г.

***Ключевые слова*:** Великая Отечественная война, эвакуация, реэвакуация, Ашхабад, Свердловск, ректор университета.

Abstract. Despite a substantial body of scholarship on Lomonosov Moscow State University during the Great Patriotic War, significant gaps remain in our understanding of its institutional functioning under wartime conditions. This is largely due to a historiographical emphasis on the military service and personal sacrifice of MSU faculty, staff, and students, while the university as an institution has rarely been examined in its own right. The exceptional conditions of wartime transformed relations both within MSU and across the wider system of higher education administered by the People's Commissariat for Education, as institutions were dissolved, merged, and reorganized. They also altered the university's relationship with state authorities, particularly through the mobilization of students into the people's militia, the Red Army, and the labor front. These changes prompted the creation of new administrative posts, including special representatives appointed by the rector and individual faculties, as well as new organizational units within MSU, and generated a distinctive body of wartime documentation. The article draws on archival materials from two repositories — the MSU Archive and the Central State Archive of Moscow — documenting the activities of Moscow State University and the Moscow Institute of Philosophy, Literature, and History (MIFLI) between 1941 and 1945. It also makes use of wartime issues of the newspaper *Moskovskii universitet* (*Moscow University*). Taken together, these sources shed new light on the activities of individual members of the university community as well as entire MSU departments and administrative units during the Great Patriotic War. In particular, the archival evidence calls into question the view, well established in memoir literature, that the MSU administration lacked direction and that its actions were poorly coordinated. A memorandum prepared by acting rector B.P. Orlov in early 1942 indicates that the university maintained careful records of the whereabouts of its faculty, staff, and students. The evacuation and subsequent re-evacuation were likewise carried out in an orderly and coordinated manner. The loss of a portion of the university's wartime records was due not to administrative negligence, but to a fire in the building occupied by MSU in Sverdlovsk. The article also presents preliminary results of the interfaculty research project *MSU during the Great Patriotic War: New Discoveries*, initiated by the MSU Rectorate in 2025.

***Keywords*:** Great Patriotic War, evacuation, re-evacuation, Ashgabat, Sverdlovsk, university rector.

* * *

Осмысление вклада коллектива МГУ в Победу началось уже в 1943–1945 гг. В конце 1943 г. на филологическом факультете была открыта выставка «Комсомол университета в Отечественной войне», где рассказывалось о подвигах Героя Советского Союза Е. Дыскина (экономист), В. Гальрозе (химик), Л. Цвиллинга, Л. Шамшиковой (историки), А. Кронрода (математик), Ф. Тяпунина (физик), Л. Шершера, З. Азарх (филолог) и др.[1] В 1944 г. в газете «Московский университет» была опубликована статья профессор В.И. Спицына (был в то время проректором по естественным факультетам) «Научная работа университета в годы Отечественной войны»[2]. Вскоре после Победы, в мае 1945 г., в газете «Московский университет» была напечатана статья ректора И.С. Галкина, которая так и называлась: «Московский университет в годы Великой Отечественной войны»[3].

К 30-летию Победы был снят фильм, посвященный данной теме, и вышло первое издание книги «Московский университет в Великой Отечественной войне». С 1975 по 2025 г. вышло еще три издания этой книги, были подготовлены десятки статей и сборников документов, в которых жизнь университета и судьбы его студентов и сотрудников в 1941–1945 гг. раскрывались более полно.

Изучение вклада в дело Победы выпускников и сотрудников отдельных подразделений МГУ на десятилетия стали одной из постоянных тем[4]. Библиография работ подобного плана насчитывает несколько десятков публикаций[5].

В то же время, за десятилетия изучения основной упор делался на ратном подвиге студентов и сотрудников МГУ, как учившихся и работавших в университете до войны, так и пришедших в него после 1945 г. Вопрос функционирования МГУ как организации, научные достижения старейшего отечественного вуза в период войны

---

[1] Товарищи фронтовики (с выставки) // Московский университет. 9 декабря 1943. № 1. С. 4.

[2] *Спицын, профессор*. Научная работа университета в годы Отечественной войны // Московский университет. 5 июня 1944. № 23–24. С. 4

[3] *Галкин И.С.* Московский университет в годы Великой Отечественной войны // Московский университета. 23 мая 1945. С. 2–3.

[4] Из последних публикаций: Книга памяти преподавателей, аспирантов и студентов философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, павших в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 2025; Почвоведы на фронте и в тылу: материалы к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, посвященные сотрудникам факультета почвоведения — участникам войны и труженикам тыла / П.В. Красильников, С.А. Шоба, Т.И. Хуснетдинова; под ред. Т.И. Хуснетдиновой. М., 2025; и др.

[5] Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 2020. С. 448–455, 552–555.

ранее не оказывались в центре внимания. Во многом это связано с тем, что указанные сюжеты очень запутаны.

Во-первых, работа любой организации (а тем более такой крупной, как Московский университет) в условиях военного времени сама по себе связана с рядом проблем. Так, часть сотрудников и студентов добровольно вступали в ряды РККА или призывались на общих основаниях по плану мобилизации. Кроме того, военная обстановка требовала активизации новых структур управления, в частности, штаба МПВО.

Во-вторых, МГУ функционировал, будучи разделенным на две части: московскую и эвакуированную. При этом эвакуация проводилась в разные центры. Большая часть университета изначально оказалась в Ашхабаде, столице Туркменской ССР, а ГАИШ был вывезен в Свердловск. Но летом 1942 г. в Свердловск была переведена и ашхабадская часть университета.

В-третьих, структура университета неоднократно менялась. В конце 1942 г. года в него вошел МИФЛИ, а затем Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе. Если факультеты МИФЛИ так и остались в структуре МГУ, составив гуманитарный блок университета, то геологоразведочный факультет вышел из МГУ, снова став отдельным вузом. В 1944 г. на базе факультета международных отношений был создан отдельный вуз — МИМО (ныне МГИМО (университет)). В фильме 1975 г. эти непростые сюжеты вообще не нашли отражения. А геройски погибшая Лия Канторович, до войны учившаяся на литературном/филологическом факультете МИФЛИ, названа студенткой филологического факультета МГУ, хотя такого подразделения до 1941 г. в университете не было.

В-четвертых, раздельное местонахождение и функционирование МГУ в условиях войны определило постоянное перемещение кадров. Так, Е.В. Ильченко обращает внимание на работу декана механико-математического факультета И.Г. Петровского в период войны. Он был командирован в Ташкент в качестве представителя МГУ для организации приезда сюда коллектива университета. В Ташкенте он пробыл три месяца и 3 февраля 1942 г. переехал в Ашхабад. Затем 1 августа 1942 г. он был командирован в Свердловск, 27 октября едет отсюда в Москву, а 31 декабря снова возвращается в Свердловск. С 6 февраля по 15 марта 1943 г. Петровский опять в Москве, а затем возвращается в Свердловск и оттуда с первым эшелоном профессорско-преподавательского состава прибывает в Москву 16 мая 1943 г.[6]

[6] *Ильченко Е.В.* Академик И. Г. Петровский — ректор Московского университета. Посвящ. 100-летию со дня рождения. М., 2001. С. 89.

Кроме того, сотрудники и студенты московской и эвакуированной групп (включая исполняющих обязанности ректора) регулярно откомандировывались в ту или иную часть университета или мобилизовывались на задания, связанные с обороной или развитием народного хозяйства страны.

В-пятых, части университета, которые оказались в разных концах страны, продолжали функционировать в тесном взаимодействии как друг с другом, так и со многими организациями на местах, например, — с Туркменским филиалом АН СССР.

Указанные обстоятельства порождали обширное делопроизводство (приказы об отчислении с работы/учебы, зачислениях или переводах сотрудников и студентов, создании новых структур, объединении, ликвидации или «временной приостановке» действий старых и т.д.), в котором объективно трудно разобраться. Тем более, что в ночь с 15 на 16 октября 1941 г. были уничтожены (сожжены) дела спецотдела, списки, адреса и другие документы МГУ[7], а существующий комплекс архивных документов МГУ представлен в разрозненном виде. Часть документов находится в Архиве МГУ, а часть — в архивохранилищах Москвы, Екатеринбурга, Туркменистана.

Помимо существования «белых» пятен, характерных для изучения любой темы, в картину участия университета в Великой Отечественной войне неминуемо закрались неточности, которые теперь могут тиражироваться из публикации в публикацию. На это тем более важно обратить внимание в условиях развития интернета.

Всё это требует комплексного подхода и координации усилий всех подразделений МГУ. Значительное подспорье в деле систематизации разрозненной информации сыграла масштабная «Летопись МГУ» (https://letopis.msu.ru), создаваемая под руководством Е.В. Ильченко. В ряде случаев для освещения того или иного сюжета, который не был отражен в изданиях книги «Московский университет в Великой Отечественной войне», требовалось обратиться именно к сайту «Летопись МГУ». Таковы, например, данные об именных стипендиях МГУ, созданных в годы войны.

В марте 2025 г. в Московском университете начал реализовываться проект «МГУ в годы Великой Отечественной войны. Новые находки». Были привлечены сотрудники всех факультетов, являющихся правопреемниками соответствующих структур довоенного

[7] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). В частности, были уничтожены многие личные дела студентов довоенных наборов. По этой причине мы не всегда располагаем фотографиями погибших учащихся МГУ.

и военного времени. Новое исследование должно по возможности устранить накопившиеся ошибки, продвинуть изучение вклада Московского университета в науку и дело обороны, а также показать сложности, связанные с функционированием МГУ как организации в 1941–1945 гг. Важную роль в этом сыграли сотрудники Архива МГУ: начальник архива О.В. Золототрубова и специалист Е.В. Лепенина.

На конференции 26 ноября 2025 г. были представлены доклады некоторых участников проекта[8]. Итоговое исследование еще не завершено, и в рамках предлагаемой статьи автор сосредоточится лишь на некоторых вопросах, которые возникают при изучении темы Московский университет и Великая Отечественная война.

Пересмотр статистических данных

Первое, с чем пришлось столкнуться коллективу проекта, — это сверка устоявшихся в историографии цифр. Такая цель не ставилась как самостоятельная, пересмотр произошел «сам собой».

Так, в частности, было с изучением структуры Московского университета.

Устоявшимся фактом стало следующее соотношение: до войны в МГУ было 75 кафедр, а к концу войны стало 151. Получается, что структура Московского университета за четыре военных года увеличилась более чем в два раза. Но если вторая цифра не вызывает вопросов (действительно, по отчетам 1944–1945 гг. выявляется именно она), то первая не может быть однозначно принята. Тем более, что рост числа факультетов шел далеко не так стремительно.

Дело в том, что в докладе ректора А.С. Бутягина 1940 г. действительно названо 75 кафедр[9]. Эта же цифра вошла в 3-е и 4-е издания

[8] «Советская философия и советские философы о фашизме в предвоенные и военные годы» (Пущаев Ю.В., философский ф-т), «Деятельность географического факультета МГУ в годы Великой Отечественной войны» (Агирречу А.А., географический ф-т), «Исследования геологов МГУ на службе топливно-энергетического комплекса СССР в годы Великой Отечественной войны» (Ситар К.А., геологический ф-т), «Учебная и научная работ геологического отделения геолого-почвенного факультета в годы Великой Отечественной Войны» (Маслов А.А., геологический ф-т), «Физический факультет для Победы в Великой войне» (Орешко А.П., физический ф-т), «Память об участниках войны на химическом факультете» (Богатова Т.В., химический ф-т), «На идеологическом фронте: первые четыре года экономического факультета (1941–1945)» (Калашнов Ю.Н., экономический факультет), «Новые факты о работе философского факультета МГУ в годы Великой Отечественной войны» (Фурцев Д.О., философский ф-т), «Московский университет в Великой Отечественной войне: новые цифры и факты» (Богданов В.П., исторический ф-т).

[9] ЦГА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 121. Доклад ректора МГУ А.С. Бутягина о работе МГУ в 1939–40 уч. г. Л. 1.

книги «Московский университет в Великой Отечественной войне». При этом в статье того же А.С. Бутягина 1943 г. сказано, что за годы войны число факультетов увеличилось с 7 до 12, а кафедр с 90 (!) до 133[10]. В воспоминаниях И.С. Галкина (ссылающегося на 1-е издание книги «Московский университет в Великой Отечественной войне», до войны он не работал в МГУ, а был сотрудником МИФЛИ) значится 81 кафедра[11]. Однако если мы берем устав МГУ 1939 г., то выясняется, что в МГУ было 93 кафедры. Каких-либо крупных структурных сокращений в 1939–1941 гг. не происходило.

Соответственно, существенное приращение числа кафедр с 1941 по 1945 гг. — факт неоспоримый. Однако справедливости ради следует признать: рост числа кафедр был не в два раза, а на 60%.

То же относится и к статистике погибших сотрудников и студентов МГУ.

На различных сайтах интернета можно увидеть следующие цифры: «во время войны погибло около 3 тысяч студентов, преподавателей и других сотрудников Московского университета»[12], «более 1000 сотрудников и студентов МГУ»[13]… Однако поименный учет погибших студентов и сотрудников дает иную цифру. Списки погибших, составленные на разных факультетах, содержат 971 имя. Кроме того, некоторые студенты и сотрудники университета были «своими» для разных организаций. Например, старший научный сотрудник ГАИШ Николай Федорович Флоря (1912–1941) числится как среди сотрудников механико-математического, так и физического факультета. Есть и другие совпадения. Соответственно, можно говорить о том, что погибло около 950 человек. Конечно, еще далеко не все имена выявлены, в частности — сотрудников ректората и разного рода технических служб. Однако их добавление не может кардинально увеличить число погибших. Поэтому число 950–970 человек на сегодняшний момент можно считать наиболее верным.

Число Героев Советского союза, связанных с Московским университетом, также варьируется в разных публикациях.

Обычно указывается, что их было 16. Однако сюда входят лишь те лица, которые были связаны с Московским университетом к началу войны. В это число не входят те, кто учился или работал в МИФЛИ, а также те, кто пришел в МГУ после 1945 г. В 3-м и 4-м из-

[10] *Бутягин А.С.* В дни Отечественной войны // Московский университет. 9 декабря 1943. № 1. С. 1.

[11] *Галкин И.С.* Записки ректора Московского университета. М., 2004. С. 122.

[12] war.history.msu.tilda.ws (дата обращения 01.09.2025)

[13] https://msu.ru/info/struct/rectintv/rektor-i-studenty-mgu-pochtili-pamyat-pogibshikh-v-velikoy-otechestvennoy-voyne.html (дата обращения 01.09.2025).

даниях книги «МГУ в Великой Отечественной войне» значится 25 Героев Советского Союза. В рамках проекта «МГУ в годы Великой Отечественной войны. Новые находки» было выявлено еще два имени: Иван Петрович Чиликин (1914–1985) и Владимир Геронтьевич Тырса (1923–2009). Оба они были связаны с университетом относительно недолго. И.П. Чиликин участвовал в строительстве Главного здания на Воробьевых горах, затем работал в МГУ гранитчиком и сантехником; имел звание Заслуженного строителя РСФСР[14]. В.Г. Тырса работал в МГУ в 1972–1979 гг. на административных и хозяйственных должностях, а в 1980 г. перешел в Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (выделившимся в 1974 г. из МГУ) — директором общежития[15].

Таким образом, в настоящее время можно говорить о 27 Героях Советского Союза[16], учившихся и работавших в МГУ, а также в вошедших в него организациях (МИФЛИ и Юридический институт). Впрочем, в статье января 1944 г. в числе Героев Советского Союза, связанных с МГУ, авторы называли Е. Дыскина и некоего Тихонова. Кто имелся в виду, неясно. Может быть, это ошибка редактора. Но факт есть факт: никто из известных Героев Советского Союза с такой фамилией, не был связан с МГУ.

Кроме того, удалось установить деталь биографии еще одного Героя Советского Союза — Александра Петровича Назарова (1919–1944). Его имя выбито золотыми буквами на Доске памяти погибших сотрудников, установленной в свое время в здании Музея В.И. Ленина, которое ныне занимает Музей войны 1812 г. Про самого А.П. Назарова было известно, что он учился в МИФЛИ. Однако нигде не указано, какой факультет он окончил. В книгах, отразивших участие в войне филологов и философов МИФЛИ, он не фигурировал. Работа в музее могла указывать на его профессиональные занятия историей. По этой причине в издании «Московский университет в Великой Отечественной войне» он был отнесен к историкам. Однако в ходе работы над проектом была найдена его студенческая карточка[17], и выяснилось, что А.П. Назаров учился на литературном/филологическом факультете МИФЛИ.

---

[14] Архив МГУ. Ф. 85. Оп. 2 л. Д. 145. Р–Ф. Личные карточки административно-управленческого, линейного и обслуживающего персонала. Л. 55. Тырса В.Г.

[15] Там же. Д. 146. Ц–Ч. Личные карточки административно-управленческого, линейного и обслуживающего персонала. Л. 57, 57 об. Чиликин И.П.

[16] В последнем издании «Московский университет в Великой Отечественной войне» их учтено 25.

[17] ЦГА г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 2. Д. 59. Карточки. Л. 194.

Так или иначе, статистика 27 установленных в настоящее время Героев Советского Союза, связанных с МГУ, следующая: 7 женщин и 20 мужчин, 5 были награждены этим званием посмертно.

15 человек пришли в Московский университет (а один даже еще в Императорский Московский университет) до Великой Отечественной войны, судьбы 12 человек оказались связаны с МГУ и Московским юридическим институтом (в 1954 г. влился в состав МГУ) после войны, 5 человек после окончания университета остались работать в нем.

По роду военных занятий: 10 летчиков, 6 пехотинцев, 4 артиллериста, 2 медика, 2 политработника, 2 танкиста, 1 сапер. Е.М. Клумов и Л.С. Ратушная олицетворяют собой двойной ратный подвиг: врачи и партизаны-подпольщики.

По университетской специальности среди Героев Советского Союза 7 мехматовцев, по 4 историка и юриста, 3 филолога, по 2 специалиста по гражданской обороне и сотрудника административно-хозяйственной части, по одному медику, физику, географу, философу и экономисту.

Всё это — старые (пусть и уточненные) цифры. Они были установлены предшествующими исследователями и еще будут уточняться. А что нового могло дать инициированное исследование?

Наиболее яркими выглядят цифры, отразившие признание ученых Московского университета, — награждение орденами и званиями СССР, а также данные по защитам диссертаций. Это действительно новые цифры, которые ранее не были выявлены.

На сегодняшний момент известно о защитах 545 диссертаций в стенах Московского университета. Число это установлено по соответствующему справочнику под ред. П.А. Зайончковского[18], а также дополнено сотрудниками Научной библиотеки МГУ при обращении сотрудников философского и экономического факультетов (данных о защитах на этих факультетах в справочнике нет). Но есть одно обстоятельство: в справочник попадали сведения только о тех работах, тексты которых сохранились.

30 ноября 1942 г. на заседании Ученого совета МГУ обсуждался вопрос диссертантки Фани Владимировны Ливанской. Защита проходила 6 октября 1941 г., за 10 дней до эвакуации. Дело было уничтожено, как и многие другие документы, 16 октября. А вскоре сама диссертация была утрачена, так как в дом Ливанской попала бомба.

---

[18] Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 гг. Библиогр. указатель / Под ред. проф. П.А. Зайончковского [и др.]. Т. 1–3. М., 1956–1960.

Остались только свидетельство декана, что защита была, а также «публикация в газете» (видимо, «Московский университет»). Исполняющий обязанности ректора С.Д. Юдинцев настаивал на положительном решении вопроса, так как это было связано, кроме всего прочего, с социальным обеспечением человека, а сам случай — с уничтожением документов и текста работы — он назвал прецедентным. В результате было принято решение (26 голосов «за» и 4 «воздержался») об утверждении соискательницы в ученой степени кандидата наук[19].

Возможно, на других факультетах были аналогичные случаи. Они могут быть установлены только при обращении непосредственно к документам Ученого совета МГУ.

В ученых советах МГУ защищались диссертации, подготовленные не только в Московском университете, но и в других организациях. Сотрудники многих научных учреждений в годы войны оказались оторваны от своих мест работы, поэтому они защищали диссертации в МГУ. Таковых работ выявлено 271. Впрочем, эти данные также требуют уточнения. Например, А.С. Бутягин на конец 1943 г. упоминал, что «питомец университета лейтенант Гаврилов, приехав в краткосрочный отпуск в Москву, блестяще защитил диссертацию на степень кандидата наук и опять вернулся на фронт»[20]. Пока выявлена диссертация только одного Гаврилова, и она, хотя и была защищена в МГУ в 1943 г., но готовилась в Ленинградском университете[21].

Интересные цифры были также установлены при изучении числа сотрудников Московского университета, получивших государственные награды за научную и педагогическую деятельность. Эти сведения, хотя и находятся в свободном доступе, также никогда не были объектом внимания.

За годы войны[22] 80 сотрудников МГУ получили Государственные премии (за 42 работы), звания Героев Социалистического труда, были награждены орденами за свою научную и педагогическую деятельность.

---

[19] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 88. С. 52–56.

[20] *Бутягин А.С.* В дни Отечественной войны // Московский университет. 9 декабря 1943. № 1. С. 1.

[21] *Гаврилов Б.Г.* Взаимодействие натровых солей тиоловых кислот с предельными альфа-дибромидами. Диссертация защищена 30.07.1943.

[22] В 1941 г. Государственные премии вручались за 1940 г., а в 1946 — за 1944 и 1945 гг.

Должность «уполномоченного» в МГУ

Во всех изданиях книги «Московский университет в Великой Отечественной войне» довольно подробно говориться о первых шагах руководства МГУ по перестройке учебного и научного процесса. Однако и здесь есть своего рода «белые пятна». В данном случае обратимся к одному сюжету: введению в годы войны должности «уполномоченных».

На особые должности — «уполномоченных» («ректора» и «по факультетам»), фактически введенные в октябре 1941 г., — внимание никогда не обращалось. Единственное упоминание должности «уполномоченный ректора» есть в книге «Московский университет в Великой Отечественной войне»[23] в связи с работой профессора кафедры высших растений в 1941–1943 гг. Даниила Александровича Транковского (1902–1979). В октябре 1941 г. он возглавил местную противовоздушную оборону (МПВО) МГУ.

Должность была введена приказом 9 ноября 1941 г. («на время отсутствия ректора в Москве»)[24]. Первый приказ Транковским был подписан 18 ноября 1941 г.[25] Важно отметить: подписанные Транковским приказы имеют визу и.о. ректора Б.П. Орлова — и тогда, когда тот был в Москве, и когда отсутствовал. В приказе сказано: «Уполномоченный издает приказы, которые до моего отъезда утверждаются мной». Видимо, Орловым было подписано несколько бланков, чтобы «не тормозить» работу. Помимо организации работы бригад по охране объектов Д.А. Транковский занимался вопросами приема на работу и увольнения административно-технического персонала московской части МГУ. В первом приказе назначаются не только коменданты зданий и др. должности МПВО, но и бухгалтеры МГУ. Приказами от 3 и 4 декабря Транковскому передавалось право «первой подписи финансовых документов» в связи с отъездом помощника ректора по АХР К.И. Лазарева в служебную командировку[26].

«Уполномоченные» были также на факультетах. Судя по приказам, на которых стоят подписи «уполномоченных», они взяли на себя основные административно-хозяйственные функции, поскольку те касались работы МПВО. Например, в период функционирования

---

[23] Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 2015. С. 37.

[24] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 32. Л. 172. Приказ № 334 (9 ноября 1941 г.).

[25] Там же. Д. 35. Л. 130. Приказ № 1 (17 ноября 1941 г.).

[26] Там же. Д. 32. Л. 117. Приказ № 345 (3 декабря 1941 г.); Л. 104 Приказ № 347 (4 декабря 1941 г.).

московской группы университета (с февраля 1942 г.) обязанности «уполномоченного» географического факультета исполняла доцент М.В. Карандеева[27].

Для проведения эвакуации также была предусмотрена указанная должность. Согласно приказу № 2, подписанному М.М. Филатовым в г. Ташкенте, командированный в Ашхабад Соломон Хаймович Брайнин был назначен «временным уполномоченным по организации встречи и приема в Ашхабаде эвакуированных эшелонов МГУ»[28]. Когда уже ожидалась отправка МГУ из Ташкента в Ашхабад, в городе отправления был оставлен проф. И.Г. Петровский, назначенный «уполномоченным в гор. Ташкенте по делам эвакуации»[29]. Причем назначение это датировано 17 ноября, что коррелируется с датой первого приказа за подписью Д.А. Транковского.

Таким образом, в период войны функционировала должность «уполномоченных» — лиц, наделенных от ректоров или тех, кто их замещал, большими полномочиями, по сравнению с другими должностями.

Процесс эвакуации МГУ и МИФЛИ

План эвакуации Московского университета в случае войны был составлен еще в марте 1941 г.

В первые недели войны были приняты нормативные документы, в дальнейшем обеспечившие порядок эвакуации: постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г., а также ряд документов «Об эвакуации Академии наук» от 2 июля, 16 июля 1941 г. и др. На основании решения СНК СССР № 14322сэ от 15 октября 1941 г. Московский университет подлежал эвакуации в г. Ашхабад — столицу Туркменской ССР (куда также был направлен МИФЛИ). Конечным пунктом был указан Ашхабад, путь лежал через Ташкент.

В результате эвакуированная часть Московского университета оказалась в четырех регионах:

---

[27] Там же. Д. 55. Приказ № 71 (4 марта 1943 г.)

[28] Там же. Д. 34. Л. 2. Приказ № 2 (12 ноября 1941 г.). Фигура С.Х. Брайнина интересная. Судя по публикациям 1930-х гг., он жил и работал в Казахской ССР. Видимо, при эвакуации МГУ он был временно зачислен в штат кафедры марксизма-ленинизма. В 1942 г. в объединенном Ученом совете по гуманитарным наукам, действовавшем в эвакуированной части МГУ, защитил кандидатскую диссертацию. Во всяком случае, ему, в числе других сотрудников, директор Уральского индустриального института им. С.М. Кирова (УИИ) профессор А.С. Качко объявил благодарность. — Там же. Д. 61. Л. 12, 12об. Приказ № 234 (25 мая 1943 г., по УИИ); Д. 61. Л. 11. Приказ № 132 (25 мая 1943 г., по МГУ, г. Свердловск).

[29] Там же. Д. 34. Л. 4. Приказ № 4 (17 ноября 1941 г.).

— основная часть МГУ была отправлена в г. Ашхабад (Туркменская ССР), затем в г. Свердловск,
— сотрудники АН СССР — в г. Ташкент (Узбекская ССР)[30],
— Научная библиотека МГУ — в г. Хвалынск, затем в г. Кустанай,
— ГАИШ — в г. Свердловск.

Эвакуация началась 15 октября 1941 г. (Постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»)[31]. Согласно решению СНК СССР №14322сэ, научные работники и студенты университета в трех эшелонах следовали в Ашхабад с остановкой в Ташкенте[32].

Сам процесс эвакуации МГУ, а затем и МИФЛИ из Москвы также не исследован полностью. Притом что в соответствующих разделах «Летописи МГУ», книге «Московский университет в Великой Отечественной войне» есть отсылки к пространной записке и.о. ректора Б.П. Орлова, которая была составлена в начале 1942 г. Многие данные из нее не учтены (например, не сверены списки, приведенные в приложении), а сама информация не соотнесена с другими источниками. Записка Орлова — уникальное свидетельство. В ней фигурируют имена 2062 человек — сотрудников и студентов МГУ и МИФЛИ с указанием того, где они находятся. Видимо, одним из источников записи стали таблицы с информацией о студентах МГУ, в которых указано: остался ли студент в Москве, эвакуировался или находится в рядах РККА[33]. В этой связи нельзя не поразиться тому, насколько хорошо в тех тяжелых условиях был поставлен учет сотрудников и студентов! Это в значительной степени объясняет, почему именно университет был центром притяжения: здесь аккумулировались сведения, по возможности, обо всех лицах, связанных с университетом.

Эвакуация была проведена в несколько этапов: тремя эшелонами, двумя пешими переходами, отдельными индивидуальными и групповыми выездами, — которые в памяти многих «перемешались». Обстоятельства пребывания в Муроме или Ташкенте (по пути в Ашхабад) могли забываться.

Многолетняя сотрудница Московского университета Александра Федоровна Вадюнина (1907–1994) об эвакуации вспоминала (сама она значится как выехавшая в Ашхабад 25 октября с двумя

---

[30] Именно здесь умер и был похоронен выдающийся филолог член-корреспондент АН СССР Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942), работавший в МИФЛИ.

[31] История Москвы. Хрестоматия. Т. IV. М., 1997. С. 219.

[32] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2026; Оп. 4. Д. 91.

[33] Там же. Оп. 10. Д. 807. Списки студентов МГУ по факультетам.

членами семьи[34]) так: «Работникам МГУ выдали зарплату за месяц вперед. В середине октября наш поезд отправился в Среднюю Азию. Помню, только отъехали от Москвы, появились фашистские самолеты. Поезд остановился. Нам было приказано как можно скорее высадиться и рассыпаться по лесу. Когда все стихло, мы возвратились на места. На станциях наш поезд часто загоняли в тупики и отправляли дальше по мере разгрузки дороги. Из Ташкента в Ашхабад, например, поезд был отправлен через четверо суток…»[35]. Со слов А.Д. Вадюниной можно предположить, что остановка в Ташкенте была вынужденной.

На самом деле она была предусмотрена, сотрудники и студенты разместились в зданиях Среднеазиатского государственного университета[36]. Причем «уполномоченным в гор. Ташкенте по делам эвакуации» был назначен проф. И.Г. Петровский, а проф. К.А. Высоцкий должен был «взять на себя консультацию по делам приема, отбора и направления студентов МГУ в Ашхабад». В связи с «командировкой» И.Г. Петровского в Ташкент обязанности декана механико-математического факультета были возложены на проф. В.В. Степанова[37]. Именно последний (а не И.Г. Петровский, который по-прежнему находился в Ташкенте[38]) уже в самом Ашхабаде вошел в состав Ученого совета 5 января 1942 г. .

Приказы «Зам. Ректора МГУ» проф. М.М. Филатова по г. Ташкенту датированы с 7 (№ 1) по 19 (№ 6) ноября 1941 г. Известно также, что отдельным приказом (№ 6 от 19 ноября) проф. М.В. Нечкиной было разрешено остаться в Ташкенте, где она и провела период эвакуации, а Н.А. Машкину трехдневное пребывание здесь было оформлено как командировка[39] (он заканчивал докторскую диссертацию, и в Ташкенте были лучше условия для работы). Петровский пробыл в Ташкенте три месяца. В дальнейшем здесь работали некоторые научные коллективы МГУ[40].

Согласно записке Б.П. Орлова, еще в течение августа–сентября часть сотрудников (не менее 300) и студентов покинула Москву самостоятельно[41]. Централизованная эвакуация была организована позже.

---

[34] Там же. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 43–46.

[35] Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 2020. С. 36.

[36] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 34. Л. 5. Приказ № 5 (17 ноября 1941 г.).

[37] Там же. Л. 4. Приказ № 4 (17 ноября 1941 г.).

[38] Там же. Д. 36. Л. 41. Приказ № 2 (5 января 1942 г.).

[39] Там же. Д. 34. Л. 6. Приказ № 7 (19 ноября 1941 г.).

[40] *Ильченко Е.В.* Академик И. Г. Петровский — ректор Московского университета. С. 89.

[41] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 2.

Первый эшелон (88 человек — 35 сотрудников и 53 члена семей), согласно аналитической части записки Орлова, был сформирован к 14 октября 1941 г. Однако в приложении, в Списке № 2, стоит дата 15 октября[42]. В числе выехавших значатся ректор А.С. Бутягин и М.М. Филатов, возглавивший в дальнейшем университет в эвакуации. Однако, как выяснилось, выезд самого ректора не был согласован с НКВШ, за что он был снят с поста и предан суду[43]. Фамилии Бутягина мы не находим и в делопроизводстве, ведшемся в Ашхабаде и Свердловске. Основная его вина — потеря связи с университетом и НКВШ. К 23 ноября отряд был уже в Ашхабаде[44].

Прибытие первого эшелона в Ашхабад датируется 18 ноября[45]. Видимо, речь идет о прибытии группы сотрудников из Ташкента под руководством уполномоченного Х.С. Брайнина.

16 октября эвакуация продолжилась. В этот день поездом должен был быть отправлен отряд в 220 чел.[46] Однако в связи с объявленной эвакуацией населения Москвы в целом и начавшейся паникой, отъезд был отложен. По воспоминаниям Б.Л. Цетлина, в то время студента химического факультета МГУ, зам. декана химфака Н.В. Костин объявил ожидавшим отправки студентам, что централизованного выхода не будет[47]. Как отмечал Б.П. Орлов, в этот день состоялся выход «пешим порядком индивидуально и самодеятельными группами» нескольких сотен сотрудников и студентов МГУ[48]. Самостоятельная эвакуация в этот день подтверждается воспоминаниями Б.Л. Цетлина, а также студента М.Г. Рабиновича, назначенного в этот день и.о. декана исторического факультета[49]. Как значится в записке Б.П. Орлова, часть людей, покинувших Москву 16 октября, осталось «в районах Поволжья и в местах, куда были ранее с эшелоном эвакуированы семьи…»[50].

Впрочем, 17 октября централизованно поездом удалось отправить 96 чел. под руководством директора НИИ зоологии проф.

---

[42] Там же. Л. 4, 21, 22.

[43] Там же. Л. 4.

[44] Продолжительность устанавливается по выплате суточных начальникам эшелонов (Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. № 34. Приказ № 34 от 31 декабря 1941 г. Л. 155).

[45] ЦГА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 135. Л. 2.

[46] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 4–5.

[47] *Цетлин Б.Л.* «Золотые химфаковские годы»: в эвакуации // Великая война и ее великие воины. Фронтовики-химфаковцы вспоминают. М., 2005. С. 24–25.

[48] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 4–5.

[49] *Рабинович М.Г.* Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 175.

[50] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 4–5.

В.В. Азарова. Из Ташкента отряд выехал 20 ноября 1941 г. в пяти вагонах[51] и прибыл в Ашхабад 23 ноября 1941 г.[52]

22 октября был сформирован пеший отряд студентов и аспирантов общей численностью 208 чел. (190 студентов и 18 членов семей). Руководил «военизированным переходом» доцент кафедры географии почв геолого-почвенного факультета Николай Николаевич Болышев (1903–1972). Отряд шел пешком через г. Егорьевск в г. Муром (туда же НКВШ доставил нужное количество пайков), откуда 9 ноября уже поездом был отправлен в Ашхабад, где оказался только 6 декабря 1941 г. Видимо, именно об этой группе писал Председателю СНК ТССР А. Худайбергенову «зам. ректора … по Ашхабадскому филиалу» И.С. Галкин 20 февраля 1942 г.: «Эвакуация личного и переменного состава МГУ происходила следующим порядком: студенты из Москвы эвакуировались пешим порядком без вещей, которые (вещи) должны быть позднее вывезены в Ашхабад по железной дороге. Научные сотрудники, эвакуированные по железной дороге, могли вывозить собственные вещи в пределах 25 кг на каждого члена семьи, а остальные вещи должны быть вывезены позднее»[53].

Вообще практика пеших переходов до г. Мурома (при эвакуации «на Восток») была распространена. Так, известный поэт, студент исторического факультета (поступил в 1937 г.) Николай Петрович Майоров (1919–1942) описывал своей переход до Мурома на «формировочный пункт, расположенный где-то около Горького»[54].

25 октября под руководством профессора С.И. Кулаева и сотрудника И.Д. Гурьева была отправлена еще одна группа в 220 чел.[55] Эшелон был в пути с 25 октября по 18 ноября 1941 г. Сперва эта группа оказалась в Ташкенте, затем была отправлена в Ашхабад, видимо, с той частью эвакуированных, что оказались здесь раньше.

29 октября 1941 г. был организован последний централизованный выезд. Была отправлена «в комфортабельных условиях группа высококвалифицированных профессоров, по преимуществу престарелых, в количестве 35 человек»[56].

Для отправки учебного и научного оборудования 2 ноября, а затем 20 ноября были выделены дополнительные вагоны. Первая

[51] Там же. Оп. МГУ. Д. 34. Л. 6. Приказ № 7 (19 ноября 1941 г.).

[52] Там же. Д. 34. Приказ № 34 (31 декабря 1941 г.).

[53] Архив Комнаты боевой и трудовой славы исторического ф-та МГУ. Ф. Документы из Центрального Государственного архива Туркменистана. Л. 108.

[54] «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». Воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 207.

[55] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 5.

[56] Там же.

партия оборудования (82 тонны, в том числе документы ректората, бухгалтерии и т.д.) была отправлена под руководством сотрудника центрального аппарата МГУ И.Э. Германа только 22 ноября и доставлена 20 декабря. Вторая (118 тонн, в том числе часть фонда НБ МГУ им. АМ. Горького) была вывезена из Москвы под руководством сотрудника отдела главного инженера И.В. Попова 9 декабря и на момент составления записки Б.П. Орлова еще в Ашхабад не прибыла[57]. Впрочем, уже к середине декабря 1941 г. угроза Москве миновала, и вопрос дальнейшей эвакуации стоял менее остро. Поэтому было решено не вывезенные грузы (135 тонн) оставить в Москве. Однако в дальнейшем это привело к сложностям функционирования МГУ в эвакуации: привычного оборудования не хватало.

30 ноября и 1 декабря пешим переходом были отправлены еще две группы студентов (231 чел.) и преподавателей (11 чел., включая семьи). Отряд возглавил доцент географического факультета Андрей (Анджей) Войцехович Гедымин[58] (1909 — после 1982). Отряд также двигался до Мурома, откуда выехал 19 декабря. На момент составления записки Б.П. Орлова сведений о его дальнейшем передвижении не было. Отряд добрался до Ашхабада только 20 января 1942 г.

3–7 декабря 1941 г. из Москвы выехали последние группы сотрудников (103 человека) «уже не эшелонами, а в пассажирских вагонах»[59].

Что касается МИФЛИ, то централизованный выезд сотрудников был организован 26 ноября[60]. В ведомости о выплате суточных фигурирует И.И. Захаров, бывший в пути с 27 октября по 13 декабря. Судя по всему, речь идет об отряде МИФЛИ: И.И. Захаров фигурирует в списках сотрудников вуза (в частности, был назначен «дежурным по институту» 1 июля 1941 г.[61]), а после — преподавателем экономического факультета МГУ. Видимо, одновременно выехали 39 сотрудников[62]. Однако в списке И.И. Захарова, который, видимо, руководил передвижением, нет. Кроме того, есть список (35 сотрудников и 58 членов семей), озаглавленный, как «Список профессорско-преподавательского состава, подлежащего эвакуации после 29 / X с.г.». Далее идет схожий список (36 сотрудников и 67 членов семей), имеющий

[57] Там же. Л. 5–6.

[58] Приказ о его назначении был подписан накануне: Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 32. Л. 132.

[59] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П.Орлова). Л. 58.

[60] Там же. Л. 59–62об.

[61] ЦГА г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 34. Л. 131.

[62] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П.Орлова). Л. 59–60.

схожее заглавие, но с другой датой «после 26 / XI-41». В обоих списках среди имен значится и ректор И.С. Галкин. Однако известно, что он выехал из Москвы 31 декабря вместе с академиком В.П. Волгиным[63].

К концу декабря 1941 г. эвакуировано 65 кафедр, 90% сотрудников и преподавателей, отправлено основное оборудование[64].

Московский университет в эвакуации: отдельные штрихи

По состоянию на 15 января 1942 г. из МГУ в Ашхабад прибыло 650 студентов и сотрудников всех факультетов. Всего в Ашхабаде список наличного состава работников МГУ включал 1099 человек, в том числе: профессоров — 92 человека; доцентов — 111; ассистентов, лаборантов, учебно-вспомогательного персонала — 107; аспирантов — 28; студентов — 495; работников ректората — 29; библиотечных работников и обслуживающего персонала — 20. С учетом членов семей в Ашхабаде находились 1551 человек[65] (в документах, отложившихся в архиве Туркменистана, значится 1537 сотрудников и студентов МГУ[66]).

В литературе высказана идея, что раздельное пребывание частей университета приводило к конфликтам в управлении[67]. На самом деле имевшееся трения следует считать рабочими моментами. Получилось так, в эвакуции оказалась основная часть университета. В то же время и.о. ректора Б.П. Орлов находился в Москве, при этом Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) и Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) пребывали не в столице, а соответственно в г. Кирове и Томске. С конца 1941 г. в Москве возобновились занятия, и часть оборудования, подлежавшего эвакуации в Ашхабад, была оставлена на месте (тем более, что любые лишние перевозки — всегда риск). Но ее ждали в Ашхабаде и на нее рассчитывали при планировании научной работы.

---

[63] *Галкин И.С.* Записки ректора Московского университета: воспоминания. С. 105–106.

[64] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П.Орлова); Московский университет за 50 лет Советской власти. М., 1967. С. 100.

[65] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 41. Л. 318об.

[66] Архив Комнаты боевой и трудовой славы исторического ф-та МГУ. Ф. Документы из Центрального Государственного архива Туркменистана. Л. 198.

[67] Якобы «руководство московского подразделения не желало признавать своих ашхабадских коллег ввиду их "дезертирства" из военной Москвы» (*Меркулова А.М.* Управление Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова под руководством ректора И.С. Галкина в 1941–1947 гг. // Социология власти. Научный и общественно-политический журнал РАГС. 2011. № 3. С. 75).

В результате 4 марта 1942 г. Ученый совет МГУ в Ашхабаде (в присутствии Б.П. Орлова) постановил:

— не допускать создания параллельных структур («параллельных кафедр, должностей директоров институтов и деканов факультетов»),

— активизировать командировки сотрудников из Ашхабада в Москву и наоборот (но не создавать на местах дублирующие друг друга штаты),

— координировать работу московской части «Ученым Советом, деканами, директорами институтов и заведующими кафедрами, которые несут за нее полную ответственность»,

— признать «важность объединения в Московском университете организаций, которые были выделены из него в 1929–30 годах»[68].

Что касается возвращения в МГУ выделенных когда-то из его структуры организаций, то было постановлено: этот процесс должен вестись с санкции Ученого совета и с большой осторожностью. Это было явно ответом на присоединение МИФЛИ к МГУ, прошедшее без каких-либо согласований. При этом было сказано о необходимости отличать «постоянное присоединение того или другого вуза от временного присоединения, производимого из соображений текущего момента для сбережения находящихся в Москве студентов других ВУЗов, не возобновивших своей деятельности». Видимо, это, в свою очередь, был ответ на ожидавшееся присоединение к МГУ Юридического и Геолого-разведочного институтов.

Кроме того, была даже высказана идея, чтобы Ашхабад сделать местом постоянного пребывания ректора и секретаря партийного бюро, однако она не была реализована.

Так или иначе, взаимоотношения между московской и эвакуированной частями были выстроены довольно прозрачные: именно в эвакуированной части был представлен основной научный и педагогический потенциал, но обе части должны были работать совместно (что не исключало конкуренции и даже «социалистического соревнования»).

Практически сразу коллектив Московского университета включился в работу. Уже 25 ноября М.М. Филатов представил план работы МГУ народному комиссару просвещения Туркменской ССР Т.Б. Бердыеву. Перед старейшим вузом были поставлены следующие задачи:

А) Сохранение старейшего в СССР университета как функционирующего научно-исследовательского и педагогического учреждения,

[68] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 28. Д. 9. Л. 5 – 6 (Протокол, 4 марта 1942 г.).

Б) оказание всемерной помощи в деле создания Туркменского университета в соответствии с пожеланием директивных органов ТССР,
В) усиление ведущейся в ТССР научно-исследовательской работы силами работников МГУ.

Предполагалось, что учебный и научно-исследовательский процессы Ашхабадского государственного педагогического института, на базе которого должен был работать Московский университет, будут объединены с работой МГУ. Это должно было бы в дальнейшем создать «основы существования и работы Туркменского Госуниверситета». При этом перед МГУ ставилась задача подготовки «из местных кадров квалифицированных научных работников путем организации аспирантуры, руководства в деле подготовки диссертаций, создавая таким образом научные кадры для ТССР». Университет, по предложенному плану, кроме резервов педагогического института, также мог привлекать лаборатории и учреждения медицинского, сельскохозяйственного институтов, военного и других ведомств. В значительной степени это касалось выполнения заданий оборонного характера. Предложенный план предусматривал всестороннее изучение «природных и народнохозяйственных ресурсов Туркмении, истории страны, широкого участия в культурном строительстве республики и выполнения различных поручений правительства Туркменского ССР», а также «исследовательские работы, связанные с нуждами народного хозяйства и других республик Средней Азии». Работу эту предполагалось осуществлять «при широком участии местных работников и в тесном контакте с Туркменским филиалом Академии наук СССР»[69].

То есть задачи изучения Средней Азии, а также подготовки местных высококвалифицированных кадров изначально были сформулированы как основные направления работы МГУ (наравне с обычным учебным и научным процессом и работой по оборонным направлениям).

Примечательно, что Георгий Васильевич Никольский (1910–1977), ученый-ихтиолог, прибывший в Ашхабад с эшелоном 18 ноября 1941 г., уже в начале декабря стал объектом споров разных научно-хозяйственных организаций. Так, Наркомат рыбной промышленности и филиал Академии наук Казахской ССР просили командировать ученого в г. Алма-Ату. В этой связи С.И. Кулаев обратился в Наркомат госконтроля Туркменской ССР (даты обращения нет, но, судя по соседним документам архивного дела, оно

[69] ЦГА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 135. Л. 1.

составлено до 13 декабря), сообщив, что МГУ может туда командировать Г.В. Никольского, только если правительство Туркмении не заинтересовано в его работе в республике. Вскоре М.М. Филатов писал в военкомат г. Ашхабада об отсрочке призыва Г.В. Никольского, который «работает по заданию Правительства Туркменской ССР и Туркменским филиалом АН СССР над обширными рыбохозяйственными исследованиями»[70]. В дальнейшем Г.В. Никольский руководил масштабной работой по хозяйственному освоению рыбных ресурсов Туркмении.

1 декабря в Ашхабаде начались занятия (в это время в Москве они были временно прекращены). Сохранились воспоминания о работе МГУ в это время: «Занятия формально шли по программе. Однако, конечно, регулярность и последовательность не могли соблюдаться. На одни лекции не хватало преподавателей, на другие — студентов. Часто мы — два-три студента — сидели с профессором на солнышке и дружески беседовали — об истории, о политике, о войне, конечно. Главное время мы проводили в библиотеке. Сказать честно, с точки зрения программных занятий учебный 1941/42 год прошел почти впустую. <…> Студенты участвовали в весенних полевых работах (в МГУ действовали курсы трактористов), профессора и преподаватели читали лекции на предприятиях, в воинских частях, госпиталях. Студенты проводили субботники»[71].

Во время пребывания университета в Ашхабаде были усилены некоторые дисциплины (военное дело) или введены новые (сельское хозяйство)[72].

Некоторые студенты Ашхабадского педагогического института (на базе которого функционировал МГУ) на время становились студентами Московского университета. В этом статусе они получали высшее образование, уходили на фронт, работали на нужды обороны. Один из них — Сурен Соломонович Бабаханов (1924–1942) — в 1942 г. в числе других студентов был переведен в МГУ из Ашхабадского педагогического института. Призван в армию. Последнее место службы и звание — лейтенант 76-й отдельной морской стрелковой бригады. Пропал без вести. Его имя значится на Доске памяти исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

В эвакуации сотрудники и студенты МГУ участвовали в мероприятиях, связанных с обороной страны, а также подлежали моби-

---

[70] Там же. Л. 5, 7.

[71] *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка. М., 2011. С. 159.

[72] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 38. Л. 23.

лизации. Например, студент 4-го курса исторического факультета Г.А. Цявловский вместе с пятью студентами других факультетов были отчислены «в связи с призывом в ряды РККА»[73]. Сам Цявловский погиб.

В течение декабря 1941 г. и до сентября 1942 г. руководство Московского университета писало постоянные обращения в различные инстанции ТССР с просьбой о содействии в том или ином направлении работы. Например, 9 января датировано письмо в дирекцию Государственного Туркменского музея с просьбой разрешить доценту биологического факультета Н.В. Шибанову изучить имеющиеся профильные коллекции[74]. 14 января направлено письмо в СНК ТССР с просьбой о содействии в расширении коллекции Зоологического музея МГУ за счет чучел животных местной фауны. При этом в письме есть ссылка на принципиальную договоренность Заготуправлением Туркменбирлешика о выделении соответствующих шкур[75]. Обширная переписка касалась возможности участия московских исследователей в изучении Копетдага.

В Ашхабаде активно защищались диссертации. Причем из-за относительно малого количества ученых гуманитариев к началу 1942 г. они были объединены в один Ученый совет гуманитарных факультетов, в котором работали филологи Р.А. Аванесов, Н.К. Гудзий и др., историки А.В. Арциховский, Б.Н. Граков и др., философ И.Г. Каплан, психолог А.Н. Леонтьев[76]:

Этот Ученый совет в период эвакуации присуждал степени кандидата и доктора наук по гуманитарным дисциплинам. В Ашхабаде была защищена 21 диссертация (среди авторов —два человека из числа 11 первых членов АН Туркменской ССР, открытой в 1951 г.[77]), в Свердловске —10.

Всего же за период пребывания в Ашхабаде было защищено 7 докторских диссертаций (к этому следует прибавить решение о присвоении степени доктора наук доценту З.С. Родионову без защиты как лауреату Сталинской премии) и 40 кандидатских. Из этих 40 человек: сотрудников МГУ —11, аспирантов —10, научных работников других вузов — 19 (главным образом Туркмении и Киргизии).

---

[73] Там же. Д. 40. Приказ № 72 (15 октября 1942 г.). Л. 232об.

[74] ЦГА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 138. Л. 1.

[75] Там же. Л. 2.

[76] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 34 (3). Л. 1.

[77] Имеются в виду: Пигам Азимович Азимов (1915–1994), туркменский государственный деятель, ученый-тюрколог, языковед (диссертация «Аффиксация как метод словообразования в современном туркменском литературном языке») и Гаиб Непесович Непесов (1907–1976), туркменский историк (диссертация «Хивинская народная революция 1918–1920 гг.»).

И еще один момент, уже связанный с функционированием МГУ в Свердловске. По выражению И.С. Галкина, директор Уральского индустриального института (УИИ) Аркадий Семенович Качко (1895–1959)[78] «не очень любезно встретил столичный университет»[79]. Однако следует помнить, что МГУ стал далеко не первой организацией, размещенной в институте. Здесь во втором и третьем учебных корпусах располагались два крупных эвакуированных завода, научно-исследовательский институт, а также Военно-воздушная академия им. Жуковского. Понятно, что для А.С. Качко, так же, как и для государственных и партийных органов города, МГУ стал еще одной «головной болью». Поэтому чисто физически эвакуированному вузу трудно было уделить должное внимание. Как известно, крайнее напряжение и большой фронт ответственности, стоявший перед А.С. Качко, привел и к неминуемым сбоям. Так осенью 1942 г. в здании, занимаемом МГУ, случился пожар. Видимо, тогда и была утрачена значительная часть университетского делопроизводства (в том числе и МИФЛИ). В целом, судя по всему, имевшиеся сложности во взаимодействии руководства МГУ и УИИ были сглажены. Уже перед реэвакуацией МГУ из Свердловска А.С. Качко просил объявить благодарность сотрудникам университета: профессору В.Г. Юдовскому, доцентам Ж.А. Мауреру, С.Х. Брайнину за участие в методической работе кафедры марксизма-ленинизма Уральского индустриального института[80].

Заключение

Именно в годы Великой Отечественной войны университет сложился как научно-образовательный центр не только естественных, но и гуманитарных наук. Кроме того, МГУ дал возможность завершить образование и научные работы десяткам студентов и соискателей других вузов, чья деятельность была прервана войной. Ученые университета дали мощный импульс для становления высшей школы «на местах», активно участвовали в изучении истории, природных ресурсов и экономического потенциала (и развития последнего) республик Средней Азии.

---

[78] См. о нем: *Селиванов Н. П., Кислицына Е.А.* Аркадий Семенович Качко — директор УПИ (1937–1951) // Уральский государственный технический университет: страницы истории. Сб. науч. студенческих работ. Вып. 1. № 4 (12). Екатеринбург, 2000. С. 134–136.

[79] *Галкин И.С.* Записки ректора Московского университета: воспоминания. С. 109.

[80] Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Ед. хр. 61. Л. 12, 12об. Приказ № 234 от 25 мая 1943 г. (по Уральскому индустриальному институту). Л. 11. Приказ № 132 от 25 мая 1943 г. (по МГУ, г. Свердловск).

Всё это говорит о том, что многие аспекты истории Московского университета в годы Великой Отечественной войны (впрочем, как и судеб Московского университета в целом) требуют дальнейшего кропотливого и методичного изучения.

References

Il'chenko E.V. *Akademik I.G. Petrovskii — rektor Moskovskogo universiteta* [Academician I.G. Petrovskii: Rector of Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. 559 p.

Kniga pamyati prepodavatelei, aspirantov i studentov filosofskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova, pavshikh v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945) [Book of Remembrance of Faculty Members, Postgraduate Students, and Students of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University Who Fell in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2025. 453 p.

Merkulova A.M. *Upravlenie Moskovskim gosudarstvennym universitetom imeni M.V. Lomonosova pod rukovodstvom rektora I.S. Galkina v 1941–1947 gg.* [The Administration of Lomonosov Moscow State University under Rector I.S. Galkin, 1941–1947] // *Sotsiologiya vlasti. Nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal RAGS*. 2011. N 3. P. 73–77.

Moskovskii universitet v Velikoi Otechestvennoi voine [Moscow University in the Great Patriotic War]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2020. 632 p.

Moskovskii universitet za 50 let sovetskoi vlasti [Moscow University during Fifty Years of Soviet Rule]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1967. 759 p.

"My shli navstrechu vetru i sud'be…": vospominaniya, stikhi i pis'ma istorikov MGU — uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny ["We Walked toward the Wind and Destiny…": Memoirs, Poems, and Letters of MSU Historians Who Participated in the Great Patriotic War]. Moscow: Ves' Mir, 2009. 608 p.

Pochvovedy na fronte i v tylu: materialy k 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, posvyashchennye sotrudnikam fakul'teta pochvovedeniya — uchastnikam voiny i truzhenikam tyla [Soil Scientists at the Front and on the Home Front: Materials Commemorating the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Dedicated to Members of the Faculty of Soil Science Who Served in the War and Worked on the Home Front] / P.V. Krasil'nikov, S.A. Shoba, T.I. Khusnetdinova; ed. by T.I. Khusnetdinova. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i Ko", 2025. 120 p.

Selivanov N.P., Kislitsyna E.A. *Arkadii Semenovich Kachko — direktor UPI (1937–1951)* [Arkady Semenovich Kachko: Director of UPI (1937–1951)] // *Ural'skii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet: stranitsy istorii. Sbornik nauchnykh studencheskikh rabot* [Ural State Technical University: Pages of History. Collection of Student Research Papers]. Issue 1. N 4 (12). Yekaterinburg: UGTU-UPI, 2000. P. 134–136.

Поступила в редакцию
3 ноября 2025 г.